

**Выступление К.И.Косачева на Чтениях, посвященных памяти
Е.М.Примакова
«Внешнеполитические прогнозы и наказания Примакова»**

Говорить в этой аудитории о личности, наследии и памяти нашего выдающегося современника Евгения Максимовича Примакова одновременно легко и сложно. Легко потому, что здесь собрались те, кто лично имел возможность оценить масштаб этой могучей фигуры российского интеллектуального «олимпа» – соответственно, и масштаб потери, которую мы все ощущаем с его уходом. Многогранность его личности такова, что о нем бесконечно и по существу могут высказываться политики и экономисты, теоретики и практики, разведчики и дипломаты. Ну а сложно говорить о нем потому, что многое из его теоретического и практического наследия еще подлежит глубокому анализу. Могу предположить, что мы еще до конца не видим все те зарубки и метки, которые старался оставить нам Евгений Максимович до самых последних дней своей жизни.

Именно поэтому хотел бы посвятить мое сегодняшнее выступление памяти Учителя, руководителя, друга, безусловного морального и интеллектуального авторитета – *прогнозам и наказаниям* Примакова в более близкой мне сфере внешней политики. Ибо его мастерство предвидения и предсказания развития событий признано буквально всеми, включая его оппонентов. В основе этого качества – свойственное ему умение видеть любую ситуацию в историческом контексте благодаря, прежде всего, глубоким знаниям этого контекста, я бы сказал – чувству Истории, пониманию ее основных приводов и шестеренок.

Именно поэтому нам сейчас так не хватает его мудрых и точных оценок, поскольку на повестке дня, можно сказать, его, «примаковские» темы: Ближний Восток, сближение России с Китаем, кризис в отношениях России и Запада.

Мне нередко приходится слышать и читать в диалогах, в соцсетях риторический вопрос о происходящем в самой «горячей» точке планеты – в Сирии: «а что бы сказал по этому поводу, какую оценку дал бы Примаков?».

На самом деле, многое было сказано им ранее, задолго до нынешнего сирийского кризиса. Напомню его точную оценку 2012-го года: *«события в Сирии, как и в Ливии, с самого начала не укладывались в представление об "арабской весне" как о народных демонстрациях против авторитарных режимов в арабском мире. В этих двух странах с самого начала произошли вооруженные действия против власти»*.

Одним из важных уроков "арабской весны" он назвал в 2012 году и то, что протестными демонстрациями могут воспользоваться *«силы, которые отнюдь не лидировали первоначально в демократическом протестном движении, даже не очень участвовали в нем, но потом в своих целях перехватили инициативу»*. Мы видим, насколько этот прогноз точно реализовался не только в Сирии, но и, между прочим, на Украине.

Именно тогда, в январе 2012 года, Евгений Максимович высказал свое компетентное мнение о недопустимости повтора ливийского сценария в Сирии: *«События в Ливии, уверен, будут строго учитываться теми, кто вырабатывает внешнюю политику России. Наша страна уже заняла позицию против повторения ливийской операции НАТО в Сирии. Не думаю, что Россия и Китай, которые не наложили вето на резолюцию по Ливии, позволят себя обмануть во второй раз тем, кто уверял в необходимости этой резолюции якобы для защиты мирных жителей от авиации Каддафи»*.

Надо ли говорить, что это мнение действительно было учтено российским руководством, причем в такой степени, что буквально на днях, 20 октября, в статье в «Вашингтон пост» именно Примакова назвали «крестным отцом российской военной интервенции в Сирию». По мнению автора статьи, в настоящее время Путин «начал воплощать мечту Примакова о восстановлении влияния России в арабском мире».

«Вспоминаю, - говорил Е.М.Примаков, - как во время одной из бесед с Хафезом Асадом - отцом нынешнего сирийского президента, он сказал мне, что будет стремиться к тому, чтобы не остаться "один на один с Израилем". Отсутствие урегулирования опасного ближневосточного конфликта, который имеет постоянную тенденцию к перерастанию в

кризисную стадию, подтолкнуло Дамаск к созданию "на всякий случай" иранского тыла».

Этот штрих подчеркивает уникальность фигуры Примакова, который, во-первых, умел рассматривать все процессы в этом сложном регионе в комплексе, и, во-вторых, так или иначе, лично участвовал в ближневосточных делах на протяжении полувека. Например, еще в 1971 году по указанию советского руководства он конфиденциально встречался с премьер-министром Израиля Голдой Меир и министром обороны Моше Даяном. Одной из тем было, в частности... потенциальное членство Израиля в НАТО! По словам Примакова, собеседники тогда *«полностью отрицали свое намерение вступить в НАТО, но мы знали, - пишет Примаков, - что представители израильского руководства зондировали такую возможность на встречах в Вашингтоне. Тогда США отказались от участия Израиля в НАТО, мотивируя свою позицию израильской вовлеченностью в конфликт с арабами. Но как пойдет дело сейчас, учитывая появление "иранской карты" и желание многих использовать ее в своей игре?»*. Знаем ли мы точный ответ на этот вопрос сегодня, спустя 6 лет после того, как он задан патриархом отечественной внешнеполитической аналитики...?

А вот другие слова Евгения Максимовича: *«Иран, имея тесные связи с иракской шиитской общиной, приобрел, возможность, может быть, даже решающую воздействия на развитие обстановки в Ираке. Имея такие "козыри" в руках, Иран хочет напрямую говорить с Соединенными Штатами. Такой разговор в той или иной форме необходим. Может быть, стоит создать для этого переговорный формат из США, России, Китая, Индии, ЕС и Ирана? Эта идея не такая уж плохая альтернатива попыткам заставить Иран идти на переговоры с США под давлением»*. Это сказано в 2006 году, почти 10 лет назад. Возможно, если бы с Ираном говорили в этом формате не только о его ядерной программе, да еще и под давлением санкций, которые Примаков заранее называл бесперспективными, то мы бы не имели сегодня такого явления, как «исламское государство».

Примаков еще несколько лет назад, задолго до появления «ИГ», призывал задуматься, например, над тем фактом, почему «Аль-Каида» совершает гораздо больше террористических акций не на Западе, а в Турции, Египте, других мусульманских странах со светскими режимами. Его ответ: радикалам нужно свержение этих режимов, *«а страны эти превратить в части халифата»*.

Выход в нынешней непростой ситуации Евгению Максимовичу виделся один: необходимо сплочение государств, *«в первую очередь постоянных членом Совета Безопасности ООН, в борьбе с группировкой "ИГ". Никакие разногласия, в том числе по "украинскому вопросу", не должны помешать борьбе с международным терроризмом»*.

Это его принципиальная позиция – в каждом случае необходимы слаженные усилия ведущих мировых игроков. Он всячески приветствовал укрепление России, «вставание с колен», повышение ее роли в мировых делах, но был категорическим противником курса на самоизоляцию и конфронтацию. Его знаменитый «разворот над Атлантикой» не был символом отказа от диалога – он всегда понимал этот демарш применительно к той конкретной ситуации, в логике «иначе было поступить нельзя». Иного выбора нам не оставили.

Важным предвидением Примакова была его идея сближения России с Китаем и Индией (хотя многим изначально этот проект казался утопией – ввиду настороженности по отношению к политике Китая на Дальнем Востоке и известных сложностей в отношениях между Индией и Китаем). Однако в итоге реальность опровергла скептиков: осуществлен проект БРИКС, действовал и формат РИК, российское сближение с Китаем стало столь успешным, что вызывает озабоченность самых трезвомыслящих политиков и экспертов на Западе.

Но его концепция предусматривает не столько *«разворот»*, сколько *поворот* на Восток, усиление *одного из* естественных российских векторов. Это направление было незаслуженно, по его мнению, забыто в период прозападной романтики 90-х, и сегодня нужно лишь восстановить баланс, необходимый для

мировой державы в условиях многополярности. *«Надо подчеркнуть особо, - писал Примаков, - нынешняя многополярность принципиально отлична от той, которая была перед 1914 годом. Тогда движущей силой каждого центра было стремление уничтожить конкурента, перекроить мир «под себя», захватить кусок пожирнее. Сегодня ни один центр притяжения не может существовать без взаимодействия с другими центрами, без взаимопроникновения экономик. Причем этот процесс естественен и органичен, любое насилие, стремление искусственно изменить конфигурацию - что подтверждает история - вызывает напряжение и взрыв».*

Он скептически относился к разного рода радикальным прогнозам о скором крахе доллара или Евросоюза – по его убеждению, нам еще долго иметь с делом и с тем, и с другим, а потому нужно выстраивать свою политику твердо, но конструктивно, всегда держа дверь открытой для диалога, не отступая при этом от собственных интересов.

Выступая в 2008-м году на заседании Клуба «Меркурий» Е.М.Примаков сказал о том, что возрождение «холодной войны» *«было бы катастрофически неприемлемо для всего мирового сообщества, особенно когда без США, без России, без Китая, без Европейского союза невозможно противодействовать расползанию ядерного оружия, вести борьбу с международным терроризмом»:* именно эти угрозы, наряду с региональными конфликтами, по мнению Примакова являются ключевыми для международного сообщества, требующими объединения усилий и преодоления разногласий.

Академик Примаков ввел новый термин – стратегические ценности, который может послужить ключевым понятийным инструментом, способным привести к общему знаменателю позиции России и Запада. Это понятие формулируется академиком прежде всего применительно к российско-американским отношениям. Среди ценностей российско-американского сотрудничества упоминаются именно противодействие расползанию ядерного оружия, ограничение и сокращение ракетно-ядерных вооружений, урегулирование региональных конфликтов.

Этапным стало выступление Евгения Максимовича на заседании того же «Меркурия» в январе текущего года, где одной из тем стала Украина. Наверное, далеко не всеми с пониманием была воспринята его твердая позиция: *«можно ли по-прежнему говорить о российской заинтересованности в том, чтобы юго-восток оставался частью Украины? Отвечаю: считаю, что нужно. Только на такой основе можно достичь урегулирования украинского кризиса. Другой вопрос: следует ли включать в число "уступок" США и их союзникам в Европе отказ от воссоединения Крыма и Севастополя с Россией? Отвечаю: нет, это не должно быть разменной монетой в переговорах.»*. Напомню, что буквально через месяц эта концепция легла в основу «Минска-2», а затем и Парижа: сохранение территориальной целостности Украины, но с вынесением вопроса о Крыме за скобки. В сентябре прошлого года Примаков прогнозировал: *«действуя на политическом поле, Москва добилась прямых переговоров Киева с представителями Донбасса и Луганска. При любом исходе это прорывной момент, который скажется рано или поздно на урегулировании кризиса на Украине»*. Как показывает ход дальнейших событий, это действительно единственно возможный сценарий на сегодня.

Однако будут абсолютно неправы те, кто увидит во взвешенной позиции Примакова некие уступки Западу или Украине: кто так думает, тот плохо знает Евгения Максимовича. Еще 10 лет назад он писал: *«События на Украине показали, что ни в коем случае нельзя абсолютизировать и тем более делать ставку на трансатлантические разногласия, проявившиеся после американской операции в Ираке. Рьяная поддержка Европейским союзом оппозиционных украинских сил, которые ныне стали правящими, во многом была предопределена стремлением использовать Украину как поле сближения с администрацией Буша. Неужели для этого опять нужен образ общего врага - России?»*. Увы – еще один пример сбывшегося пророчества Мастера: общий враг нужен каждый раз, когда возникают слабины в трансатлантических узах.

Тогда же, 10 лет назад, Примаков предостерегает: *«События в конце 2003 года в Молдове и Грузии и в конце 2004 года на Украине, имеющие не только*

внутреннее измерение, затрагивают позиции России на постсоветском пространстве. Эти события, а также развитие ситуации в Абхазии должны нас насторожить вдвойне, так как они ярко высветили, в том числе и недостатки российской политики в странах СНГ и слабости нашего аналитического аппарата. Многовариантный политический прогноз с определением оптимальных действий по каждому возможному варианту развития ситуации у нас, к сожалению, подменяется модной игрой в PR. В этой связи есть над чем серьезно задуматься». Есть ощущение, что важность этого предостережения мы не оценили тогда в полной мере, а зря.

Примаков на самых разных этапах своей карьеры демонстрировал свои качества блестящего прогнозиста и аналитика, однако это вовсе не означает, что он был при этом как бы эмоционально отстранен от предмета своих исследований – напротив, он пропускал все через свою совесть и свои убеждения. Яркий пример этому то, как трудно он принимал признание Абхазии и РЮО: он очень не хотел, чтобы Россия в итоге этого непростого шага потеряла Грузию, которая играла в его жизни, как известно, большую роль.

А в завершение моего выступления хотел бы привести цитату Примакова-2007, которая представляется программной и актуальной сегодня, как никогда: *«западным политикам следует осмыслить роль и место России в современном мире. Не вымышленной России, внутренняя ситуация в которой вырастает в угрозу ее соседям. Не придуманной России, которая использует в имперских целях потоки энергетического сырья в другие страны. А той реальной России, которая не намерена идти в фарватере чьей бы то ни было политики, но одновременно направляет свои усилия на борьбу с международным терроризмом, против расползания оружия массового поражения, не приемлет раздела мира по цивилизационно-религиозному признаку, стремится задействовать свои уникальные возможности для ликвидации опаснейшего конфликта на Ближнем Востоке. Той России, которая проводит политику, остужая горячие головы, готовые, не*

научившись ничему в Ираке, повторить губительные силовые приемы против неугодных режимов».